

Анна Красникова

Вымысел и реальность в (авто)биографиях Ильи Сельвинского: 1918–1920 годы

Fiction and Reality in the (Auto)Biographies of Il'ia Sel'vinskii (1918-1920)

There are still many gaps in the biography of Il'ia Sel'vinskii (1899-1968). Even if we consider the periods of his life that are relatively well studied, most of the texts offer us legends and contain much less verified facts and exact dates. The article investigates the years 1918–1920, about which much has been written, although the information from different sources does not coincide and some facts contradict others. Focusing on Sel'vinskii's autobiographies and on his letters, diaries and other sources, the author tries to find out which facts are reliable, which are doubtful, and which are false.

Сельвинский — брошенная зона
геологической разведки,
милion квадратных километров
надежд, оставленных давно.
А был не полтора сезона,
три полноценных пятилетки
вождь из вождей
и мэтр из мэтров.
Он нем. Как тех же лет кино.
[...]
Борис Слуцкий

Стихотворение Бориса Слуцкого, вынесенное в эпиграф, было написано в начале 1960-х годов, еще при жизни Ильи Сельвинского. Но, увы, оно точно описывает и сегодняшнее положение дел: когда-то Сельвинский считался одним из лучших советских поэтов, а

теперь его произведения знают плохо, публикуют редко¹, изучают мало. То же касается и биографии, в которой до сих

¹ Самый недавний его сборник избранного был опубликован в 2004 году (Сельвинский 2004).

пор остается множество пробелов.

Отдельных исследований, посвященных Сельвинскому, очень мало². Единственная монография о его жизни – *Жизнь в поэзии* Олега Резника – была написана в 1967-м (Резник 1967) и последний раз выходила в 1981 году. Единственный сборник воспоминаний – *О Сельвинском*, составленный падчерицей писателя Цецилией Александровной Воскресенской и архивистом и литературоведом Ириной Павловной Сиротинской, – вышел в 1982 году (Воскресенская, Сиротинская 1982). Некоторые сведения можно найти в мемуарах Ц.А. Воскресенской *Мои воспоминания* (Воскресенская 2003). Единственная книга о Сельвинском, написанная не по-русски, – монография Максима Шраера *Я это видел: Илья Сельвинский и наследие свидетелей Шоа*, опубликованная на английском (Shraayer 2013). Самая подробная хроника жизни Сельвинского – приложение к учебному пособию В.Л. Гаврилюка *Черты поэзии и жизни Ильи Сельвинского*, и занимает она меньше 10 страниц

(Гаврилюк 1999: 56–65). Особого внимания заслуживают издания, подготовленные сотрудниками Дома-музея И.Л. Сельвинского в Симферополе, – в них можно найти конкретную информацию о тех годах, которые Сельвинский провел в Крыму, в них были впервые изданы некоторые из архивных документов. Например, в сборнике *Война глазами поэта* были опубликованы страницы его дневников и писем (Бабенко 1994); один из выпусков альманаха *Крымские пенаты*, был целиком посвящен Сельвинскому (Крымские пенаты 1996)³.

Во всех этих и многих других работах взгляд исследователей часто фокусируется на одних годах жизни Сельвинского и редко останавливается на других. Обычно много пишут о детстве и юности поэта, полных ярких и экзотических перипетий судьбы⁴; подробно описываются и 1920-е годы, когда молодой Сельвинский приехал завоевывать Москву, пытался соперничать с Маяковским, основал Литературный центр конструктивистов, выпустил свои первые книги. А вот о 1930-х обычно пишут

² Работы о Сельвинском, вышедшие до 2000 года, см.: Русские писатели 2000: 4–176.

³ См. также: Добровольская 1999.

⁴ Сельвинский и написал о них роман *О, юность моя!* (Сельвинский 1967).

меньше и суше, о 1940-х – в основном только о военных годах; мало что мы узнаем о 1950-х и почти ничего – о 1960-х.

Помимо подобного дисбаланса хронологического, есть еще дисбаланс *мифологический*: повествование, образованное корпусом текстов о Сельвинском в целом, чаще предлагает нам красивые истории – при этом, конечно же, сведения разных рассказчиков далеко не всегда совпадают и далеко не всегда мы имеем дело с проверенными фактами и точными датами. Так, например, до сих пор не известно, где жил Сельвинский в 1907–1910 годах: в некоторых источниках утверждается, что с родителями – то ли в Симферополе, то ли в Одессе, в некоторых – что его отправили к сестре в Тверь (Резник 1982: 195; Сельвинский 1996: 8).

Неуравновешенность хронологии и частое отсутствие проверенной информации – следствие того, что подавляющее большинство этих текстов носят не исследовательский, а мемуарный или публицистический характер. Многие из них писались еще в советские годы и при жизни Сельвинского и опираются на его письменные автобиографии и устные рассказы, про-

сто повторяя то, что писатель хотел сам о себе сообщить. Так, например, Олег Резник, работая в 1960-е годы над книгой о Сельвинском, использовал его неопубликованную автобиографию – часто целые фразы из этого текста (один из вариантов которого впервые появился в печати в 1996 году: Сельвинский 1996) он воспроизводит дословно, а некоторые пересказывает своими словами, но очень близко к тексту. Эта тенденция сохранилась и в публикациях, вышедших после смерти поэта, уже в новую, постсоветскую эпоху. Так, например, если сопоставить краткую летопись жизни Сельвинского из пособия Гаврилюка с его автобиографиями, видно, что многие формулировки в хронике взяты именно из текстов самого поэта. Исследования, в которых предпринимаются попытки выяснить, что же было на самом деле, стали выходить лишь недавно⁵.

Как бы то ни было, на настоящий момент ситуация такова:

⁵ См., например: Дайнеко, Пашеня 2011; Пашеня 2012; Пашеня 2017. Хотя, несмотря на стремление восстановить реальные факты биографии Сельвинского, и в этих работах ставятся в один ряд источники документальные, мемуарные и художественные.

критически установленной биографии Сельвинского не существует⁶, а все тексты из учебников и энциклопедий грешат неточностями и ошибками. Как, например, в следующем отрывке из энциклопедии *Русская литература XX века*, выпущенной Пушкинским домом:

Когда на Украину вторглись немецкие оккупанты, С. вступил в красногвардейский отряд, был ранен и тяжело контужен. Вскоре вновь сел за ученическую парту — гимназия была еще не окончена. Затем был вынужден перейти на нелегальное положение — его разыскивали как участника боев на Перекопе и автора красноармейской песни. Евпаторию вынужден был оставить. В Севастополе устроился грузчиком в порту, был опознан, арестован и посажен в тюрьму (“Я в этом городе сидел в тюрьме. / Мой каземат — четыре на три”).

⁶ Первый набросок к летописи жизни и творчества Сельвинского, в которой учитывалась бы степень авторитетности источников, см.: Красникова 2019: 15–65.

В 1919 в Симферополе поступает в Таврический ун-т. Был репортером уголовной хроники, актером театра “Гротеск”, сельскохозяйственным рабочим, инструктором плавания и др. Затем переезжает в Москву, где продолжает учебу в ун-те (Шошин 2005: 293).

Большинство фактов, представленных в этом фрагменте, либо неверны, либо не точны, либо не проверены и вызывают сомнение: судя по тексту, Сельвинский осознанно вступил в красный отряд, чтобы бороться с немецкими оккупантами, а затем, в конце 1918-го и в 1919 году, вынужден был из-за этого скрываться. На самом же деле, он, хоть и действительно участвовал в Гражданской войне, но совсем по-другому и в других обстоятельствах.

В целом, 1918–1920 годы – один из тех самых периодов в жизни Сельвинского, о которых написано много, но при этом сведения из разных источников не совпадают и противоречат друг другу. На нем мы и остановимся в настоящей статье, сосредоточив внимание на автобиографических текстах, и попытаемся понять, что из известного нам правда,

что сомнительно, а что является откровенным вымыслом.

Сначала сопоставим все автобиографии Сельвинского; чтобы оперировать этими текстами было удобнее, каждому будем присваивать аббревиатуру.

A-32 – автобиография, написанная в 1932–1933 годах и начинающаяся 1917 годом, – машинопись с авторской правкой⁷. Об этой автобиографии мало кто знает и сейчас: в книгах и статьях о Сельвинском она практически не использовалась и цитировалась лишь в 1960-е годы в диссертации и публикациях Е. Вандыш (Вандыш 1963), а ее полный текст впервые опубликован в 2019 году (Красникова 2019: 326–334). В 1960-м году Сельвинский упоминает в своем дневнике, что эта автобиография находилась среди тех его бумаг, которые попали в государственный архив из НКВД, и нашла ее там именно Вандыш: “23/III. Вандыш приезжала. Она работала в Гос[ударственном] Лит[ературном] Архиве и раздобыла массу материалов, в том числе мою автобиогра-

фию, о кот[орой] я совершенно забыл”⁸.

A-44 – автобиография, датированная 6 февраля 1944 года и опубликованная Львом Озеровым в 1970 году, спустя два года после смерти Сельвинского (Из литературного наследия 1970: 151–153). По словам Озерова, “автобиография предназначалась для Литературного института, в котором Сельвинский много лет руководил ставшим знаменитым поэтическим семинаром” (Там же: 151).

A-47-58 – подробная автобиография *Черты моей жизни*, 1947–1958 гг., впервые опубликованная в 1996 году в альманахе *Крымские пенаты* (Сельвинский 1996).

A-59 – автобиография *Черты моей жизни* из справочника *Советские писатели* (Сельвинский 1959).

Все эти тексты, очевидно, предназначались для публикации, в отличие от еще одного архивного документа, к которому мы обратились:

C-32 – список важных событий 1915–1932 годов из записной книжки Сельвинского, которую он вел, предположительно, с первой половины 1920-х

⁷ И. Сельвинский, *Автобиография. Машинопись с правкой автора и без правки*, РГАЛИ, ф. 1160, оп. 1, ед. хр. № 78, л. 5–12.

⁸ Семейный архив писателя.

годов и до начала 1940-х⁹. Наряду с выписками, планами произведений и материалами для них, адресами и бытовыми заметками, в ней есть и краткая летопись, составленная самим Сельвинским, видимо, для себя: она начинается 1915 годом и обрывается 1932-м, скорее всего, этот перечень и был составлен в том же году. Напротив каждого года Сельвинский перечисляет события своей жизни, от первых публикаций до смерти отца – вероятно, те, которые считал самыми главными. Многие совпадают с известными и документально подтвержденными, некоторые появляются только в этом документе впервые и требуют отдельного расследования, но в любом случае факты, изложенные в этом документе, на наш взгляд, имеют высокую степень достоверности.

И, наконец, добавим к автобиографическим текстам, написанным Сельвинским, еще один текст другого автора:

З-46 – статья Корнелия Зелинского *За горизонт зовущий*,

⁹ И. Сельвинский, *Записные книжки с планами и заметками к Пушторгу, Улялаевщине, записями адресов и для памяти, библиографическими выписками и др.*, РГАЛИ, ф. 160, оп. 1, ед. хр. 88, л. 118–119.

над которой тот работал в 1946 году и в основу которой легли записи его бесед с Сельвинским (Зелинский 1982). На рукописях статьи стоят пометы Сельвинского, превращая и этот источник в авторизованный¹⁰.

Дневники Сельвинский регулярно вел с 1940-х годов, и, хотя они не находятся в центре нашего исследования, мы будем обращаться и к тем позднейшим записям, в которых он вспоминает интересующий нас период.

Сравним сведения из всех источников, перечисленных выше, попытаюсь понять, какие в них присутствуют константы, и есть ли константы вообще; что Сельвинский подчеркивает, что пытается скрыть, что помнит/знает точно, а что смутно. Курсивом будем выделять то, что вызывает сомнения или противоречит другим фактам.

1918

С-32	Мелитополь. Бродячая Оперетта “Гротеск”. Маруська Никифорова. Налет на ст[анцию] Н[ово]-Алексеевка. Кр[асная] Гвардия — отступление по ли-
------	---

¹⁰ Об этом см.: Зелинский 1982: 13.

	нии Александровск-Севастополь. Издание театр[альной] газетки.
А-32	Первую часть каникул между седьмым и восьмым классом я провел сначала в банде Маруськи Никифоровой, а затем в красногвардейском партизанском отряде <i>Кривошапки</i> . Ходил в бои против германских оккупантов Украины. Участвовал в четырехдневной защите Перекопа, в марте 1918 г. контужен.
А-44	В 1918 году, будучи гимназистом, ушел в партизанский отряд Груббе, с которым защищал Турецкий вал против германский оккупантов. Был здесь ранен и контужен.
А-47-58	В это время в Евпатории подвизался театр "Гротеск" – нечто вроде бродячего мюзик-холла. [...] Я поступил в этот театр актером и поехал с ними по градам и весям Северной Таврии. В Мелитополе вдруг

	стало известно, что германская армия, оккупировав Украину, движется на Крым [...] <i>В этих условиях оставаться в театре я не мог! [...] я пошел на вокзал и в поисках фронта добрался до станции Новая Алексеевка [...]</i> [Далее описывается, как Сельвинский вступает в отряд Груббе. – А.К.] <i>Двадцать второго апреля бой за Перекоп. [...] начался огневой шквал, который с перерывами длился до 24 апреля. В этот день я был ранен в лоб и губу, а главное — тяжело контужен.</i>
А-59	В 1918 году боец Красной гвардии: защищал Перекоп против немецких оккупантов.
З-46	Весной 1918 года в Крыму утвердилась советская власть. Каникулы в евпаторийской гимназии были объявлены в апреле. С бродячей группой театра "Гротеск" в качестве актера Сельвинский отпра-

вился в путешествие. В Мелитополе он познакомился ... с бандой анархистов Маруськи Никифоровой. [...] Вместе с бандитской лавой кочует и Сельвинский; Он принял участие в налете на железнодорожный узел станции Ново-Алексеевка. “Маруськино войско при этом было разбито в пух и прах”. [...] [Далее описывается, как Сельвинский вступает в красногвардейский отряд. – А.К.] Под Александровском отряд, где был Сельвинский, потерпел жестокое поражение.

Весной 1918 года из-за Гражданской войны евпаторийская мужская гимназия закрылась раньше времени. Сельвинский, ученик седьмого класса, в эти каникулы не сидел дома. Представляется очень вероятным, что, как указывается и в С-32, и в А-32, и в З-4б, то ли в марте, то ли апреле он сбежал с бродячим театром “Гротеск”;

так он оказался в Мелитополе¹¹ и там уже примкнул к маховской банде под предводительством Маруськи Никифоровой¹². И в списке важных дел, и в беседах с Зелинским он упоминает о налете на станцию Новоалексеевка, в котором банда была разгромлена красными, и после этого сражения Сельвинский остался с красногвардейцами.

До сих пор неизвестны обстоятельства, при которых Сельвинский перешел в красногвардейский отряд. Все описания, что можно встретить в его (авто)биографиях, явно беллетризованы, как например, в З-4б:

[...] Сельвинский попал в плен. Без долгих размышлений его повели “в расход”.

— Стойте! — вскричал один из матросов. Да это же наш, евпаториец! Что же ты молчишь, шкура, как попал ты в бандиты?

¹¹ В Доме-музее Сельвинского в Симферополе хранится афиша “Гротеска”, на которой Сельвинский фигурирует под псевдонимом Селявин.

¹² О схожести образов анархистов в поэме Сельвинского *Улялаевщина* с документальными описаниями “маруськиного войска” см.: Красникова 2019: 70–71.

[...] начальник, огрев Сельвинского по спине нагайкой ... приказал зачислить неведомого поэта в красногвардейский отряд (Зелинский 1982: 23–24).

В автобиографии А-47-58, в которой Сельвинский скрывает свою причастность к анархистам, он якобы добирается до станции Новоалексеевка в поисках фронта, там его случайно встречает Мария, сестра евпаторийского “знаменитого хулигана” Сеньки Немича, и отводит в партизанский отряд Груббе. А далее история военных подвигов юного гимназиста переплетается с рассказом о его первом поцелуе с Марией: “Она заплакала, залила все мое лицо слезами и крепко поцеловала в губы. Это был первый девичий поцелуй в моей жизни” (Сельвинский 1996: 11).

Сельвинский называет разные имена командира красногвардейского отряда: Кривошапка и Груббе¹³, ни одно из которых не подтверждено документально. Да и практически все остальные сведения о боях на стороне красных и возвраще-

нии домой не представляются достоверными. В С-32 Сельвинский пишет об отступлении по линии Александровск¹⁴ – Севастополь, а в З-46 говорится о разгроме красных под Александровском. Судя по этим двум текстам, после сражения – Александровск был занят украинскими и германскими войсками 14–16 апреля 1918 года – Сельвинский возвращается с отступающей Красной Армией домой. Возможно, так и было, при этом в автобиографиях, предназначенных для публикаций, сведения уже другие и часто не совпадающие между собой и с известными фактами. Так, бои за Перекоп весной 1918 года шли не четыре дня: германские войска подошли начали бой утром 18 апреля, и уже вечером заняли Перекоп¹⁵. В трех автобиографиях Сельвинский пишет о тяжелой контузии, в двух – еще и о ранениях – возможно, это и произошло на самом деле, но удивляет, что ни слова об этом нет в списке важных событий за 1918 год.

Хронику 1919 и 1920 годов сведем в одну таблицу, в силу того, что по текстам не всегда

¹³ Резник называет еще одно имя: А.И. Находкин-Терпигорев (Резник 1967: 29).

¹⁴ Сейчас Запорожье.

¹⁵ См., например: Грушецкий 2011; Брошеван 2003.

ясно, когда то или иное имело место.

1919-1920

С-32	<p>1919 Оконч[ание] гимназии. Шансонетка Лора; Работа на сенокосе д[еревни] Немецкие Майнаки. Служба юнгой на шхуне “Св[ятой] Ап[остол] Павел” Мелиника. Поступл[ение] в Универс[итет].</p> <p>1920 Работа на заводе. Хроникерство и репортаж в газете [нрзб.] Кр[асная] почта. Галина Баяджиева. Ванда П., Раиса Маркна. Работа водокачем в отеле “Дюльбер”. 1-й вечер поэтов в Евп[атории]. 1-я рецензия.</p>
А-32	-
А-44	<p>В 1919 году по окончании гимназии был арестован Врангелем и отправлен в сева-стопольскую тюрьму. Меня обвиняли в том, что я был комиссаром отряда. Выручил меня директор гимназии А.К. Самко.</p> <p>Осенью 1919 года по-</p>

	<p>ступил на медицинский факультет Таврического университета. Университет находился в Симферополе. [...] Мои родители не могли ... поддерживать меня, так как сами нуждались. Надо было позаботиться о себе самому. Я поступил сначала рабочим на консервную фабрику “Таврида”, где работал по 14 часов в сутки. Затем был грузчиком на вокзале, натурщиком в художественных студиях Тосунова и Смирнова и пр. При таких условиях заниматься было, конечно, невозможно. За весь год я успел сдать только остеологию.</p>
А-47-58	<p>Летом 1919 в моей жизни произошло важное событие, я прочитал первый том <i>Капитала</i>. [...] осенью по настоянию матери подал документы на медицинский, но фактически не имел к нему отношения. [...] Был я грузчиком на вокзале, натурщиком в</p>

	<p>студии Тосунова, судебным хроникером в газетке <i>Крымская почта</i> Трецека, борцом в цирке Вяльшина под фамилией “Лурих III, сын Луриха I”. [...] поступил рабочим на консервную фабрику “Таврида” [...] работать у котла приходилось по четырнадцать часов в сутки, так что об университете не могло быть и речи. [...]</p> <p><i>Неожиданно я был арестован. Десять дней просидел с уголовниками, решительно не представляя, что такое я мог натворить. [...] переведен в Севастополь, где просидел в одиночке 19 дней. Выпустили меня по ходатайству генерала Богаевского. [...]</i></p> <p>Осенью 1920 года в Крым вошла Красная Армия. На следующий же день я оставил свою водокачку и был назначен зав. секцией Теа-Унаробраза. Месяца через два поступил на юридический фа-</p>
--	---

	<p>культет, ун-та имени Фрунзе, откуда перевелся затем в I Московский ун-т на факультет общественных наук.</p>
А-59	<p>Заведующий Теа Унаробраза (1919). Сидел в Севастопольской тюрьме при Врангеле.</p>
З-46	<p>В Севастополе Сельвинский был арестован врангелевской контрразведкой по доносу об участии в Красной гвардии. Но ему удалось доказать, что был только гимназистом и актером.</p>

В апреле 1919 года Сельвинский оканчивает гимназию (на отлично)¹⁶ и осенью поступает в Таврический университет, на медицинский факультет. Параллельно с учебой подрабатывает всеми возможными способами: косарем, юнгой, рабочим на заводе, хроникером в газете, водокачем в отеле. В результате учиться не очень получается, и Сельвинский университет забрасывает.

В ноябре 1920 года в Крыму окончательно устанавливается

¹⁶ См. об этом: Добровольская 1999: 20.

власть большевиков. Вскоре Сельвинский начинает заведовать секцией Театра Управления народного образования (Теа Унаробраза), а затем, видимо, в 1921 году, заново поступает в университет, который с февраля 1921-го был переименован из Таврического в им. Фрунзе, теперь не на медицинский, а на юридический факультет.

Самая загадочная история 1919–1920-х годов и в то же время важный эпизод в официальной биографии Сельвинского – его арест(ы) и тюремное заключение. Во-первых, если это действительные факты его биографии, трудно объяснить, почему он о них не пишет в С-32, хотя упоминает там и свои работы, и поступление в университет, и участие в вечере поэтов, и даже перечисляет своих пассий. Если говорить о датировках, то единственная константа в его свидетельствах – это то, что он сидел в тюрьме при Врангеле. Врангель же управлял Крымом с апреля по ноябрь 1920 года.

Как бы то ни было, Сельвинский всегда говорит об одном аресте и обычно только о севастопольской тюрьме и лишь в А-47-58 утверждает, что был переведен туда из симферопольской.

Между тем в биографиях Сельвинского регулярно упоминаются факты 1918–1920-х годов, не приводившиеся Сельвинским в известных нам источниках; нет их и в мемуарах его современников. В первую очередь они касаются арестов Сельвинского, которых оказывается два, как, например, в летописи его жизни и творчества, составленной Гаврилюком:

Весной 1919 г. незадолго до окончания гимназии, арестован и 19 дней провел в севастопольской тюрьме, где пишет цикл стихов на тюремную тему. Едва избежал расстрела. Освободили по ходатайству директора гимназии.

[...]

В начале 1920 г. Илья Сельвинский вновь арестован по обвинению в причастности к красногвардейскому отряду Груббе, в котором он якобы был комиссаром. Десять дней провел в симферопольской тюрьме в камере с уголовниками (Гаврилюк 1999: 57–58)

В недавних публикациях его биография еще больше иска-

жается. Вспомним цитату из энциклопедии *Русская литература XX века*, в которой утверждалось, что в первой половине 1919 года Сельвинский находится в бегах, потому что его разыскивали за участие в борьбе за Перекоп и сочинение красноармейской песни, затем его сажают в тюрьму в Севастополе, и лишь после он устраивается в театр “Гротеск”.

Дополнительная путаница возникает, например, в учебнике *История советской поэзии* Виктора Бердинских, в котором говорится о двух арестах, а хронология событий 1918–1920 еще больше перепутана:

Во время Гражданской войны воюет сначала в отряде анархистов, возглавляемых Марусей Никифоровой, дважды попадает в тюрьму у белых, а после разгрома ‘никифоровцев’ вступает в Красную армию (Бердинских 2014: 178).

Откуда же сведения, которых нет ни в автобиографиях, ни в текстах по устным рассказам? Разгадку нам помогает найти Олег Резник. В своей книге *Жизнь в поэзии* он пишет:

Жизненную достоверность ‘невыведанной экзотики’ особенно оттеняют некоторые факты революционной биографии Сельвинского. Поэт никогда не подчеркивал их ни в своих выступлениях, ни в стихах, и лишь совсем недавно они обнаружены в документальной повести Михаила Грина *Пламенные сердца*, посвященной славным страницам борьбы большевиков Крыма за установление советской власти. В ней рассказывается, что с самого начала революции евпаторийский гимназист Илья Сельвинский ... был связан с группой подпольщиков-большевиков и выполнял их, порою очень опасные, поручения (Резник 1967: 27).

Повесть Михаила Грина *Пламенные сердца*, написанная в рамках создания канона революционной борьбы в Крыму и изданная в 1962 году, рассказывает о событиях 1917–1919 годов и “о простых людях ... которые пролили кровь ради счастья будущих поколений” (Грин 1962: 3). Хотя автор и утверждает, что повесть доку-

ментальная, а “факты, которые приведены, – запечатлены в документах, письмах, записках” – стиль и характер повествования, а также несоответствие описанного в повести почти всем известным по другим источникам фактам – если говорить о том, что касается Сельвинского – заставляют нас считать этот текст в значительной части художественным вымыслом.

В книге даже напечатано два стихотворения юного Сельвинского, якобы написанных в 1917-м – начале 1918 года и впервые опубликованных в *Пламенных сердцах*:

Кому угрожаешь, белая
гвардия? / Что за тобою?
Ну-ка? / Мы – “чернь”,
толпа? Но с нами партия.
/ С нами идея,
наука! / А кто за тобой,
кроме разног сброду? /
Шпики? Полиция конная?
/ Кому ты грозишь?
Трудовому народу. /
Сволочь златопогонная!
(Там же: 25)

Второе – красноармейская песня, на евпаторийском вокзале ее поет во всеулышание матрос-революционер Виктор Груббе:

Винтовка, серп и молот,
/ Военная тревога. / Я все
пройду. Я молод! / Передо мной
дрога. // Мне солнце улыбнется,
/ Я радость караулю. / А пулю
съесть придется – / Переварю и пулю
(Там же: 64).

Помимо очевидной анахроничности стихотворений, стоит ли говорить, что, кроме повести *Пламенные сердца*, они больше нигде и никогда не издавались.

Какие же подвиги совершал Сельвинский в книге Михаила Грина? Во-первых, уже с 1917 года он, по версии *Пламенных сердец*, был активным участником подпольной коммунистической организации, и именно по его инициативе он с другими юношами перевезли на яхте “Карамба” из Евпатории в Севастополь Семена Немича, который доставил секретное письмо в севастопольский военный революционный комитет (Там же: 26–27).

15 января 1918 года он якобы встречал на евпаторийской пристани севастопольских красных моряков, размахивая красным знаменем:

На пристани в это утро
патрулировало звено

гражданской охраны – группа юношей во главе с Сельвинским. Когда крейсер “Румыния” открыл стрельбу, требуя сдачи города, Сельвинский бросился в сторожку, сорвал со старого буя небольшой красный флаг и, взобравшись на мачту, принялся размахивать им, сигналиая: “Мы – свои!” (Там же: 54).

В январе 1919 года Сельвинский якобы помог подпольщикам подготовить побег из евпаторийской тюрьмы трех большевиков, а в апреле 1919 года, “выданный провокатором”, сам был арестован в Севастополе (Там же 92–93) за то, что “написал песню для красногвардейцев” и “как комиссар, повел отряд евпаторийцев на Перекоп” (Там же: 105).

На Михаила Грина как на авторитетный источник ссылается биограф Сельвинского Олег Резник, комбинируя сюжет из *Пламенных сердец* с сюжетами из автобиографий Сельвинского, и так, скорее всего, и рождается представление о двух арестах Сельвинского: в 1919 году и 1920-м – а также миф о том, что он написал красногвардейскую песню

и водил отряды подпольщиков в бой.

Наши предположения подтверждает и дневниковая запись Сельвинского от 26 апреля 1960 года, сделанная после прочтения повести, которую ему прислали на рецензию. В дневнике Сельвинский не отрекается от его подвигов, перечисленных Грином, но признается, что раньше просто-напросто “забыл” о них.

Гослитиздат прислал мне на рецензию повесть М. Грина *Пламенные сердца* о революции в Евпатории. Довольно часто упоминается в книге мое имя в связи с целым рядом моих скромных “подвигов”, о которых я отчасти забыл, но которым уж во всяком случае, не придавал значения (переправа Семена Немича в Ак-Мечеть на яхте “Карамба”, освобождение из тюрьмы т. Турецкого, партизанская песня “Винтовка, серп и молот”, которую читал Виктор Груббе на вокзале перед отправкой красногвардейцев на Перекоп etc.) Нет однако главного: налета 2х тачанок на гайдамаков, напавших на беженцев и

учинивших погром. (Ст. Сальково 1918 г.) Там я скошил гайдаматчины штук 15 из пулемета, там же был ранен тесаком в руку¹⁷.

Все эти факты своей биографии Сельвинский впервые упоминает, внезапно вспомнив, именно в этой дневниковой записи. И еще раз останавливается в дневнике на событиях из повести через ю дней после первой записи, 6 мая, приводя их в качестве доказательств того, что он, в отличие от остальных конструктивистов, был революционером с самого начала:

Как лидер конструктивизма я выступал от имени той группы интеллигенции, которая от эстетики шла к революции. Но сам я был иного поля ягода: я не 'шел' к революции, а был в ней с самого начала, с момента восстания, в связи с убийством Караева (Евпатория), с момента спасения большевика т. Турецкого, с момента переброски большевика Немича на яхте "Карамба" в Ак-Мечеть (1918 г.),

со времени боев Кр[асной] гвардии с гайдамаками и немцами плюс две тюрьмы (Севастополь, Симферополь)¹⁸.

Все это противоречит всем остальным сведениям из автобиографий и документально подтвержденных свидетельств. Так, например, в А-32, он утверждал, что в 1917–1918 годах его специальностью были "марины и закаты", а "политического осознания событий почти не было. Явления воспринимались лишь как материал для лирических переживаний. Целеустремленная пролетарская активность отсутствовала".

Любопытно, что в 1960-х годах меняются свидетельства Сельвинского, поэтические и документальные, и о его тюремном заключении. Первое опубликованное стихотворение Сельвинского, затрагивающее эту тему – знаменитый *Севастополь* ("Я в этом городе сидел в тюрьме"), – было написано в 1944 году, впервые издано в 1947 (Сельвинский 1947) и посвящено Корнелию Зелинскому. А уже после выхода книги Грина, в 1962 году,

¹⁷ Семейный архив.

¹⁸ Отметим, что тут Сельвинский говорит о двух тюрьмах, а не двух арестах.

появляется в печати цикл Сельвинского *Письма из тюрьмы* (Сельвинский 1962: 9), которые автор датирует 1919 и 1920 годами; под некоторыми стихотворениями указано и место: для 1919-го Севастополь, для 1920-го Симферополь. В *Избранных произведениях*, вышедших в “Большой серии ‘Библиотеки поэта’” в 1972 году, цитируется письмо Сельвинского его другу и редактору Игорю Михайлову от 13 января 1965 года, в котором поэт объясняет датировки и утверждает, что был арестован два раза:

В тюрьме я был дважды. Весной 1919 г. сидел в Севастополе с 11 марта по 1 апреля. В это время Врангеля еще не было, Деникин только накапливался на Кубани. Это было время англо-французской интервенции, а если по-местному, то время Соломона Крыма, председателя крымского правительства. Я написал “при Врангеле” условно, т.к. объяснять, кто такой был этот самый Соломон Крым, в стихах очень уж несподручно. Я пишу о нем в своем романе [*О, юность моя!* – А.К.]. Что

же касается Симферополя, то это уж точно было при Врангеле в 1920 г. (Сельвинский 1972: 880).

Итак, многое в биографиях Сельвинского, по крайней мере в описаниях его жизни в годы революции и Гражданской войны, представляет собой смесь из его автобиографий, которые далеко не во всем соответствуют реальным фактам, и повести *Пламенные сердца* Михаила Грина¹⁹ – и, похоже, путаница со временем лишь усиливается.

Достоверными – или очень вероятными – фактами из жизни Сельвинского нам представляются следующие: в 1918 году во время начавшихся раньше срока каникул он сбежал из Евпатории с бродячим театром “Гротеск”, добрался с ним до Мелитополя, затем провел некоторое время в махновской банде Марушки Никифоровой, а оттуда, видимо после неудачного для анархистов налета на станцию Новоалексеевка, перешел к красным. В апреле сражался на стороне красногвардейцев, то ли под Александровом, то ли за Перекоп (возможно, в

¹⁹ Иногда к этим источникам добавляется и автобиографический роман Сельвинского *О, юность моя!*, как например в: Дайнеко, Пашцена 2011.

битвах был ранен и контужен). Вскоре он вернулся домой, а осенью 1918 года, как и положено, начал учебу в восьмом, последнем классе гимназии. В апреле 1919 года Сельвинский оканчивает гимназию на отлично, летом подрабатывает, в том числе на сенокосе и юнгой, а осенью поступает на медицинский факультет Таврического университета. Его семья бедствует и не может содержать студента, поэтому Сельвинский много работает и забрасывает учебу. Возможно, в 1920 году в период правления Врангеля в Крыму, Сельвинский был арестован за участие в боях на стороне красных. В ноябре

1920 Крым захватывают большевики, и Сельвинский начинает работать в их учреждениях, а спустя некоторое время записывается на юридический факультет университета.

Уже летом 1921 года Сельвинский переезжает в Москву к сестре Генриетте Ковнер, переводится из симферопольского университета в МГУ, на факультет общественных наук; встречает свою будущую жену, знакомится со столичной поэтической жизнью – и начинает совсем новый этап своей биографии.

Библиография

Бабенко 1994: В. Бабенко, *Война глазами поэта: Крым. страницы из дневников и писем И.Л. Сельвинского*, приложение к альманаху «Крымские пенаты», Симферополь, 1994.

Бердинских 2014: В. Бердинских, *История советской поэзии*, Москва, Ломоносовъ, 2014.

Брошеван 2003: В. Брошеван, *Оккупация. Комментарий историка к воспоминаниям И. Сельвинского о его участии в защите Крыма от германских оккупантов весной 1918 г.*, «Евпаторийская здравница», 2003, 21, 22, 23 января.

Вандыш 1963: Е. Вандыш, *Путь к социалистическому реализму (Эволюция творчества Сельвинского 1915–1932)*, «Ученые записки Латвийского университета», 1963, т. 46, с. 29–101.

Воскресенская 2003: Ц. Воскресенская, *Мои воспоминания*, Симферополь, Палитра, 2003.

Воскресенская, Сиротинская 1982: *О Сельвинском: Воспоминания*, Ц. Воскресенская, И. Сиротинская (сост.), Москва, Советский писатель, 1982.

Гаврилюк 1999: В. Гаврилюк, *Черты поэзии и жизни Ильи Сельвинского: Учеб. пособие: К 100-летию со дня рождения*, Симферополь, 1999, с. 56–65.

Грин 1962: М. Грин, *Пламенные сердца*, Москва, Госполитиздат, 1962.

Грушецкий 2011: Б. Грушецкий, *Оборона перекопских и чонгарских позиций войсками Советской Республики Таврида в апреле 1918 года // Вестник Крымских чтений И. Сельвинского*, вып. 8, Крымский Архив, Симферополь, 2011, с. 41–52.

Дайнеко, Пащенко 2011: Л. Дайнеко, Е. Пащенко, *Революционная биография И.Л. Сельвинского // Вестник Крымских чтений И. Сельвинского*, Крымский Архив, Симферополь, 2011, вып. 8, с. 18–40.

Добровольская 1999: И. Добровольская, «Еще мой бриг не трогался с причала...»: *О юности поэта И. Сельвинского*, приложение к альманаху «Крымские пенаты», Симферополь, 1999.

Зелинский 1982: К. Зелинский, *За горизонт зовущий // О Сельвинском: Воспоминания*, Ц. Воскресенская, И. Сиротинская (сост.), Москва, Советский писатель, 1982, с. 13–28.

Из литературного наследия 1970: *Из литературного наследия И. Сельвинского*, «Вопросы литературы», 1970, 2, с. 148–170.

Красникова 2019: А. Красникова, *Текстология Улялаевщины Ильи Сельвинского*, tesi di dottorato, Università Cattolica del Sacro Cuore; Milano, 2019, https://tesionline.unicatt.it/bitstream/10280/58415/1/tesiphd_completa_Krasnikova.pdf, последнее посещение 10.03.2020.

Крымские пенаты 1996: *Крымские пенаты: Альманах лит. музеев Крыма, Тематич. вып. к 100-летию со дня рождения И.Л. Сельвинского*, Симферополь, 1996, 2.

Пащенко 2012: Е. Пащенко. *И. Сельвинский – военкор “забытого” фронта, несостоявшийся лауреат сталинской премии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского*, 2012, т. 24 (65), 1–2, с. 288–301, Серия “Философия. Культурология. Политология. Социология”.

Пащенко 2017: Е. Пащенко. *От “Сына отечества” до «Вперед за родину!» // Вестник Крымских чтений И.Л. Сельвинского*, вып. 13–14, Белгород, Константа, 2017, с. 49–90.

Резник 1967: О. Резник, *Жизнь в поэзии: Творчество И. Сельвинского*, Москва, Советский писатель, 1967; изд. 2, 1972; изд. 3, 1981.

Резник 1982: О. Резник, *О самом любимом друге на всю жизнь! // О Сельвинском: Воспоминания*, Ц. Воскресенская, И. Сиротинская (сост.), Москва, Советский писатель, 1982, с. 182–227.

Русские писатели 2000: *Русские писатели. Поэты (Советский период): библиографический указатель*, т. 23 (И. Сельвинский – Я. Смеляков), Санкт-Петербург, РНБ, 2000.

Сельвинский 1947: И. Сельвинский, *Крым, Кавказ, Кубань*, Москва, Советский писатель, 1947.

Сельвинский 1959: И. Сельвинский, *Черты моей жизни // Советские писатели: Автобиографии в двух томах*, Москва, Гос. изд-во худ. лит., 1959, т. 2, с. 332–338.

Сельвинский 1962: И. Сельвинский, *О времени, о судьбах, о любви*, Москва, Советский писатель, 1962.

Сельвинский 1967: И. Сельвинский, *О, юность моя!*, Москва, Советский писатель, 1967.

Сельвинский 1972: И. Сельвинский, *Избранные произведения*, Ленинград, Советский писатель, 1972.

Сельвинский 1996: И. Сельвинский, *Черты моей жизни (1947–1958) // Крымские пенаты: Альманах лит. музеев Крыма*, Симферополь, 1996, 2, с. 5–29.

Сельвинский 2004: И. Сельвинский, *Из пепла, из поэм, из сновидений*, Москва, Время, 2004.

Шошин 2005: В. Шошин, *Сельвинский* // *Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги*, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Москва, ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005, с. 293–295.

Shrayer 2013: Shrayer, Maxim D. 2013. *I Saw It: Ilya Selvinsky and the Legacy of Bearing Witness to the Shoah* (Brighton, MA: Academic Studies Press).

